

ПОВЕСТЬ О МЕРДЕКЕ

К'ТУТ ТАНТРИ

английски с американским акцентом. Он должен был явиться ко мне с пакетом из «посольства» как раз в то время, когда у меня будут заговорщики, а потом унести письмо принцессы и ее сообщников.

— Прошу вас запомнить, К'тут,— сказал министр,— все время твердите им насчет подробного описания задуманного ими переворота. Пусть они приведут в письме все до мельчайших деталей. Особенно нас интересуют имена. Надеюсь, вам все ясно?

— Совершенно ясно,— ответила я. Но справлюсь ли я с такой трудной задачей—это, признаться, было мне не совсем ясно.

Позвонить принцессе майор велел мне не раньше чем через три дня.

— Этого времени,— сказал он,— будет, по-моему, достаточно, чтобы сфабриковать бланк для письма и подготовить офицера к роли дипломатического курьера.

Машина была пущена на полный ход, и события разворачивались, как говорят военные, согласно намеченному плану.

Ровно в восемь вечера принцесса и ее «эскорт» пришли в отель «Мердека», а час спустя «экспресс» доставил из Джакарты «дипломатического курьера».

Сквозь внешнее спокойствие моих гостей проглядывала скрытая тревога. У банкира нервно подергивались веки. Принцесса так крепко сжала свой веер, что у нее побелели пальцы.

Мы сидели на веранде. Как и при первой нашей встрече, на окнах были опущены шторы. Все молчали. Супруг принцессы вынул из портфеля письмо, адресованное в Вашингтон, и положил его на стол. Оно было написано на малайском языке. Быстро пробежав его глазами, я с огорчением заметила, что о заговоре в нем сказано всего несколько слов и не приведено ни одного имени.

— Боюсь, что этот документ не подойдет,— заявила я.— Он звучит неубедительно и не будет представлять собой никакой ценности, если вы не укажете, кто именно действует вместе с вами. Нужно еще привести как можно больше деталей. Если вы хотите, чтобы вам поверили, назовите фамилии офицеров, на которых вы рассчитываете, и воинские части, находящиеся под их командованием. Нужно написать именно в таком духе. Американцы

ЗАГОВОРЩИКИ все время находились под наблюдением, и, как только за ними закрылась дверь, ко мне пришел майор. Внимательно выслушав меня, он сказал, что я в эту же ночь должна отправиться с ним к министру обороны. Ночь выдалась на редкость темная, и, тайно выехав из Джокьякарты, мы помчались в Соло. Министра мы застали на больничной койке. Рука его все еще была в гипсе. Приподнявшись, он проинструктировал нас, как действовать дальше.

Для того чтобы придать всему делу большую достоверность, требовалось написать письмо на бланке американского посольства в Джокьякарте. «Посол» должен был в нем выразить мне благодарность за «последнее донесение» и сообщить, что «моя информация уже отправлена в Вашингтон». В письме должна была еще содержаться просьба, чтобы я прислала «необходимые сведения о положении на территории, контролируемой республиканскими властями», и упоминание о том, что посольный, который доставит мне это письмо, «является вполне надежным дипломатическим курьером».

Роль курьера поручили одному из офицеров индонезийской разведки, который мог говорить по-

Окончание. См. «Азия и Африка сегодня» № 8 и 9 за 1962 год.

любят факты. Их будет интересовать одно: серьезное ли это предприятие, заслуживающее поддержки, или это авантюра, обреченная на провал.

Банкир начал было возражать, но друг принцессы обрезал его таким тоном, что толстяк втянул голову в плечи и замолчал.

— Мисс Тантри права, — сказал друг принцессы. — Американцы, безусловно, потребуют фактов.

С этими словами он присел к письменному столу и начал переделывать документ. В то же мгновение толстяк вынул из кармана пистолет и положил его перед собой.

— Уберите оружие! — потребовала я. — Мне, господин банкир, такие шутки не нравятся.

Заговорщик схватил пистолет и, направив его на меня, сказал:

— Знаете ли вы, что вас ждет, если вы нас обманете?

Я оставила его угрозу без внимания, но когда взглянула на исправленный документ, у меня по телу мурашки забегали. Здесь было все: и имена мятежников, и план убийства Сукарно, и соображения заговорщиков насчет захвата власти. О, если бы я могла в ту минуту вышвырнуть за дверь этих подлых предателей!..

Толстяк спрятал пистолет и заговорил языком бизнесмена. Он предлагал мне сто тысяч гульденов в случае, если переворот удастся.

— Как? Только и всего! За такую работу! — «возмутилась» я.

— Но вам придется лишь переслать этот документ в Вашингтон, — отпарировал банкир.

— В случае провала я поплачусь жизнью. А она стоит не сто тысяч гульденов, а сто тысяч долларов! — возразила я.

Согласившись уплатить мне в долларах, банкир сказал:

— В случае успеха вы сможете назвать любую цену.

Раздался звонок. Я вскочила, как испуганный кролик, хотя ждала этого звонка.

— Наверное, курьер из Джакарты, — сказала я, направляясь к двери. — Хотя, пожалуй, для курьера рановато. Он должен приехать завтра утром.

Я чувствовала, что в мою спину направлен пистолет и что за каждым моим движением пристально следят три пары настороженных глаз.

— Да, это он, — сказала я, обернувшись к гостям, а «курьеру» предложила: — Скорее заходите и запирайте за собой дверь.

Увидев «незнакомых людей», «курьер» отпрянул назад. Но я «успокоила» его:

— Не бойтесь. Это наши друзья. Они передали мне очень важную информацию, которую вы же отвезете в Джакарту.

— Неужели вы им обо всем рассказали? — воскликнул «пораженный» «курьер». Его американская речь была настолько великолепна, что он легко мог бы сойти за старожилу Сан-Франциско или Чикаго. — Значит, все о'кей, мисс, и я могу отдать вам пакет? — Давайте.

Вскрыв конверт и прочитав письмо, я с равнодушным видом бросила его на стол: мне хотелось, чтобы мои «гости» обратили внимание на бланк американского посольства. Я пошла в спальню взять из холодильника виски и содовую и задержалась там ровно настолько, чтобы толстяк успел ознакомиться с содержанием письма.

Майор блестяще справился со своей задачей: письмо было сделано безукоризненно.

Оказавшись снова на веранде, я спросила «курьера»:

— Как добрались? Вас не обыскивали?

— О, все обошлось как нельзя лучше, — ответил он. — Да, меня обыскивали, но безрезультатно. Эти наивные Томми¹ еще недостаточно опытные. — Он небрежно сдул пыль с рукава своей белоснежной куртки.

— Весьма сожалею, но мне сегодня же придется отправлять вас обратно в Джакарту, — сказала я, вручая ему запечатанное письмо моих «сообщников». — Передайте шефу, что к восстанию все готово, что с нами заодно... — я назвала две-три фамилии генералов, которые значились в письме. Сделала я это для того, чтобы остался свидетель, если что-нибудь случится со мной или с пакетом. — Суть плана, — продолжала я, — в том, чтобы провозгласить султана новым президентом республики. Мы глубоко уверены, что армия поддержит его... — Все будет исполнено, мисс. Однако мне надо торопиться, — сказал «курьер» с чистейшим сан-францисским акцентом.

— Погодите, молодой человек! — остановила его принцесса. — А куда вы спрячете наше письмо? Вы уверены, что благополучно его доvezете?

— Если бы это было в Америке или в Англии, где так увлекаются детективами, то вряд ли мне повезло бы с письмом. Ну, а здесь, в Индонезии, — сказал «курьер» пренебрежительно, — никому не придет в голову заглянуть, например, сюда... — Он нагнулся и показал, как хитро отстегивается двойная подошва его большущего башмака.

Заговорщики от удивления так и застыли на месте с широко открытыми глазами.

— Спокойной ночи, господа, — сказал «курьер», взглянув на часы. — Я как раз успею на ночной поезд.

Он вышел, неслышно прикрыв за собой дверь.

«Гости» молча переглянулись. Меня охватила тревога: теперь, когда эти господа считают, что их призыв о помощи безусловно будет услышан в Вашингтоне, им ничего не стоит уничтожить меня.

— Какая духота! — воскликнула я и быстрым движением подняла штору, надеясь, что в случае необходимости успею позвать на подмогу.

Ко мне подошел друг принцессы.

— Будьте осторожны, мисс К'тут, — заметил он. — Мы не хотим, чтобы нас увидели здесь. Выглянув на улицу, он добавил:

— Я боюсь за курьера. Не пойти ли мне на станцию, чтобы убедиться, что он благополучно сел в поезд? — И он вышел из дома.

Я едва не вскрикнула от ужаса: ведь «курьер» мог направиться прямо к майору, и тогда бы все открылось. Но почему принцесса и ее муж не уходят? Мне казалось, что, если они пробудут у меня хотя бы еще минуту, я не выдержу и выдам себя.

Наконец они ушли. Я сразу почувствовала облегчение, словно с моей головы сняли сдавливавший ее стальной обруч.

Прошло всего каких-нибудь пять минут, и в моей комнате появился майор. Он чуть не плясал от радости, а я заливалась слезами.

— Ну, теперь можете плакать сколько вам угодно, К'тут. Я вас вполне понимаю... Вы сослужили большую службу Мердеке. Но я все время находился в соседнем номере, а за противоположной стеной дежурила наша военная полиция. Вы были в безопасности...

¹ Томми — прозвище британских солдат.

— Но «курьер»! — воскликнула я. — Друг принцессы последовал за ним на вокзал. Теперь они уже знают, что он не сел в поезд.

— А он сел, — спокойно возразил майор. — Мы и об этом позаботились. У нас все делается по-настоящему, как в Скотленд-Ярде². «Курьер» проедет несколько миль, и мы его снимем с поезда. Не пройдет и часа, как он будет доставлен сюда со всей своей «дипломатической» почтой... Так успокойтесь же, К'тут. Попудрите лучше носик. Нам нужно сейчас же отправиться в Соло, чтобы доложить обо всем министру.

Министр очень расстроился, прочтя список индонезийцев, втянутых в заговор. Некоторые из них были его друзьями. Он доверял этим офицерам, а они оказались предателями... Министр тут же, не колеблясь, приказал арестовать их вместе с принцессой и ее «свитой».

— Теперь надо серьезно подумать о вашей безопасности, К'тут, — сказал он. — Вам следует на некоторое время покинуть отель «Мердека» и поселиться в казармах у полковника Н. Я уверен, что там вы будете в полной безопасности. С сегодняшнего дня, куда бы вы ни пошли, вас будет сопровождать наша военная охрана...

Из Соло мы с майором отправились к президенту Сукарно и поведали ему всю эту историю. Рассказ о принцессе-хиромантке и ее верных рыцарях позабыл его.

— Почему же вы не познакомили меня с ней? — «укорил» нас президент. — Ах, какой случай я упустил! Ведь она могла предсказать мне судьбу!

— Друг Сукарно, — ответила я шуткой на шутку. — Лучше уж я предскажу вам будущее. Так будет вернее...

Затем мы поехали к султану. Узнав о том, что заговорщики собирались сделать его президентом, он ужаснулся.

— К этому, несомненно, приложили руку голландцы, — сказал он. — Они хотели использовать мое имя в своих грязных целях. Какое счастье, что заговор вовремя раскрыт...

ВСТРЕЧИ С НАРОДОМ

Положение на Яве становилось все напряженнее. Несмотря на протесты президента Сукарно, английские империалисты всячески поддерживали голландскую интервенцию. Индонезийцы упорно отстаивали недавно обретенную свободу.

Наступила горячая пора. Каждый вечер я вела радиопередачи из Джокьякарты, иногда из Соло. Все передачи на английском языке я готовила сама. Со временем я начала передавать обнадеживающие вести и на языке бали — для жителей этого острова, который все еще находился в руках голландцев.

Я снова поселилась в «Мердеке». Отель был переполнен военными. Даже в вестибюле и холлах лежали усталые и голодные люди, только что приехавшие с фронта. Изнуренные и истощенные, они не выпускали из рук оружия — винтовок и бамбуковых копий. И это они, не солдаты регулярной армии, а партизаны — вчерашние крестьяне и студенты — обращали в бегство прекрасно оснащенные, механизированные войска англичан, голландцев и японцев. В боях за родину они не щадили себя, показывая образцы несгибаемого мужества и самопожертвования.

Оглядев свою просторную комфортабельную комнату, я почувствовала угрызения совести. Бойцам республики негде было отдохнуть, а у меня стояла широкая двухспальная кровать, да еще на веранде была кушетка. Не раздумывая долго, я уступила свою спальню партизанам, а сама устроилась на веранде.

Об этом каким-то образом узнал министр обороны.

— Вы настоящая индонезийка, К'тут, — сказал он мне. — Трудно поверить, что вы родились в стране, которая причинила нам столько зла.

...Однажды министр обороны сказал мне, что доктор Сукарно собирается на несколько дней в Восточную Яву и что его будут сопровождать вице-президент, большинство министров и высшие чины армии и флота. Цель поездки президента — разъяснить широким массам, что происходит на остальной территории Явы, и подготовить их к самому худшему, если голландцы снова попытаются захватить восточную часть острова. Эта поездка предпринимается и для того, добавил министр, чтобы показать миру, что семьдесят миллионов индонезийцев, сплотившихся вокруг президента, никогда и никому не позволят посягнуть на свою свободу. Ехать с Сукарно пригласили и меня, как представительницу индонезийского радиовещания на английском языке.

Поездка с президентом запомнится мне на всю жизнь. В Баньюанги наш поезд прибыл вечером. Но, несмотря на поздний час, весь город собрался, чтобы послушать речь президента. Оратор сумел найти такие слова, которые глубоко тронули простых людей.

— Я всегда и везде буду бороться только за стопроцентную Мердеку, — сказал президент восхищенной толпе и после небольшой паузы добавил: — А может быть, вы согласитесь, чтобы я сбавил процентов десять?

В ответ все, как один, крикнули во всю силу легких:

— Не-е-ет!

— Ну, а если я скину всего один процент. Это устроит вас?

— Не-е-е-т! — загремела иступленно толпа.

— Тогда пусть уж остается девяносто девять процентов с половиной...

— Нет! Нет!! Нет!!! — Энтузиазм людей достиг предела.

— Так чего же вы от меня хотите? — спросил президент в шутливом недоумении.

— Стопроцентной Мердеки! — вырвалось из груди тысяч сердец.

Индонезийцы такой народ, что заранее никогда не узнаешь, как они поступят при тех или иных обстоятельствах. Они действуют и говорят под впечатлением минуты. Это в равной степени относится и к образованным людям и к неграмотным крестьянам. И даже сам президент не лишен этой национальной черты, которая ярче всего проявилась на митинге в Маланге — самом крупном городе на нашем пути и самом важном пункте нашей поездки.

Тысячи людей захотели послушать президента Сукарно. Многие пришли на привокзальную площадь накануне и спали прямо на земле, чтобы обеспечить себе лучшее место. Такого многолюдного митинга мне еще не приходилось видеть. Речь президента была встречена бурей рукоплесканий и восторженных возгласов.

Сукарно поднял руку, и толпа стихла.

— Перед отъездом мне хотелось бы сказать вам еще несколько слов... Глядя на эту белую женщину, что стоит рядом со мной, вы, возможно, удивляе-

² Скотленд-Ярд — английская уголовная полиция.

тес: каким образом представительница той расы, которая хочет отнять у нас свободу, попала в компанию президента Индонезии? Разрешите же мне представить вам судару К'тут Тантри с острова Бали. Имя К'тут, означающее «родившаяся четвертой», говорит о том, что она получила его в семье жителя этого острова. Судару К'тут — американская подданная, а по рождению англичанка. Но она больше индонезийка, нежели британка или американка. Она делает все, что только в ее силах, чтобы помочь нам в нашей борьбе за независимость. Итак, я хочу, чтобы каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок внимательно посмотрели на К'тут Тантри и хорошо запомнили ее лицо. Я хочу, чтобы никто из нашего народа не причинил ей вреда. Вы должны взять ее под свою надежную защиту, потому что она, возможно, будет еще не один раз в Маланге, прежде чем окончится наша борьба. Помните, что «судару» означает «сестра», и помните, что моя родная мать тоже родом с острова Бали. Я вверяю в ваши заботливые руки судьбу судары К'тут Тантри. Охраняйте ее жизнь и, если понадобится, пожертвуйте ради нее своей собственной жизнью...

Слова президента застали меня врасплох. Оглушительные аплодисменты, следовавшие за ними, смутили меня еще больше и растрогали до слез. Я с трудом взяла себя в руки.

Поездка по Яве дала мне возможность лучше узнать характер президента. Я думаю, в то время никому из европейцев не приходилось так близко видеть его, наблюдать за его работой, как мне в дни, когда наш поезд совершал остановку за остановкой на больших и малых станциях Восточной Явы.

На каждой станции поезд окружало море пытливых смуглолицых людей. Они приходили из джунглей, спускались с гор. Не раз они преграждали путь поезду, заставляя нас останавливаться в самых маленьких деревнях. Повсюду нас встречали с флагами, на которых пламенели слова «Мердека атау мати!»³

Сила воздействия Сукарно на народ отчасти объясняется: его необыкновенным ораторским искусством. Он тонкий психолог. На каждой остановке, выступая перед народом, президент говорил, что в самое ближайшее время он снова приедет в эти края и что его будут сопровождать иностранные журналисты.

— Я хочу, чтобы вы сказали по-английски этим корреспондентам газет и радио, что в Индонезии все идет хорошо. Ну, повторяйте же за мной и запоминайте: «All is running well in Indonesia!»

После того как толпа произносила эту фразу, он спрашивал:

— Так что вы скажете, когда я приеду к вам с иностранными журналистами? Повторите еще раз.

И в ответ люди дружно скандировали:

— All is running well in Indonesia!

Это напоминало неистовый гул стадиона во время футбольного матча.

И когда корреспонденты иностранной прессы посетили Яву, их поразил энтузиазм людей. Журналисты имели возможность воочию убедиться, что на Яве действительно «все идет хорошо».

Перевод с английского
Л. Морошкиной и Б. Эпельфельда

КАК ПИЩА БОГОВ ДОСТАЛАСЬ ЛЮДЯМ

ЛЕГЕНДА ТОРАДЖЕЙ —
ЖИТЕЛЕЙ ОСТРОВА СУЛАВЕСИ
(Индонезия)

ОДИН отважный юноша задумал отправиться на небеса и посмотреть, что там делается. Но дорогу на небо он не знал, и ему пришлось обратиться за советом к старой жрице.

— Иди прямо на восток, — сказала ему старуха, — а как дойдешь до горизонта, садись на крылатую лошадь. Она тебя доставит куда надо.

Юноша так и поступил... И вот летучий конь привез его в небесную деревню. Спрыгнул он с коня и увидел, как на солнце сохнет рис.

— Что это такое? — спросил он у одного из небожителей.

— А почему ты спрашиваешь? Разве ты нездешний?

— Да нет, я живу внизу, на земле.

— Ну, в таком случае ты должен прежде всего навестить бога Пуэ-ламоа. Вон его дом!

Пуэ-ламоа принял земного гостя очень радушно, обласкал и угостил рисом. Юноше очень понравилось угощение, и он спросил бога, можно ли захватить с собой на землю хоть несколько зерен.

— Нельзя, — ответил Пуэ-ламоа, — ведь это пища богов!

Несмотря на запрет, юноша, возвращаясь домой, все же припрятал горсть риса. Но небесные духи-стражники обнаружили кражу и отняли у него все зерна.

Спустя некоторое время юноша снова отправился на небо. Он придумал, как похитить рис и принести его людям!

На пятках у него была потрескавшаяся кожа, и когда он пробежал по кучкам сохнувшего риса, несколько зерен застряло в трещинах. Понятно, что духи, обыскивавшие юношу, не смогли ничего обнаружить!

Так рис, который был пищей богов, достался наконец человеку.

Записал В. Островский

³ «Свобода или смерть!»